

КИНОКОМПАНИЯ
аквариус
ФИЛЬМ

CheBuk

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Т 23

Татарский А. М.
Т23 Книга совпадений. Илл. Г. Мурышкина
М.: CheBuk, 2012 — ??? с.: илл.
ISBN 978-9984-816-52-4

Книга основана на воспоминаниях о подлинных событиях. Но это не автобиография великого мультипликатора — это настоящая литература высокого качества. Несколько десятков рассказов — совсем коротких и развернутых в хитро закрученные сюжеты, удивительно смешных и неожиданно трагичных, полных невероятных поворотов, нелепых и мудрых, как сама жизнь. И с брызжущей через край неуёмной энергией творчества — той же самой, что и в мультфильмах Татарского (один наш известный аниматор вспоминал о нем: «Обычно, когда Саша сидел на стуле, в кресле, на диване, в этом мне виделось что-то нестабильное, неестественное. Как гепард в клетке. Как фонтан, прикрытый ладонями»).

Второе издание книги включает в себя ещё два рассказа, найденных в архиве Татарского, и воспоминания его друзей и коллег, прозвучавшие на презентации первого издания «Книги совпадений».

© Алина Татарская, текст, фотографии, предисловие, 2012
© Георгий Мурышкин, иллюстрации, 2012
© Юрий Норштейн, предисловие, 2012
© Издательство CheBuk, 2012

Всё, что здесь написано, — чистая правда

Я действительно жил в Киеве, на улице Кирова, дом №4, квартира 18. В четырехкомнатной коммунальной квартире, где наша семья занимала одну комнату — 18,9 квадратных метров.

Дом был дореволюционным, типичным доходным домом. Такие дома строили состоятельные люди, чтобы потом сдавать квартиры в аренду.

Стены были сложены из желтого кирпича. Фасады по киевской традиции начала двадцатого века были неоштукатурены, а швы между кирпичами расшиты валиком наружу.

В Москве вы не найдете такой кладки, здесь дома штукатурили — все же климат похолоднее. А в Киеве таких дореволюционных домов полон центр. Есть покрасивее, есть попроще. Наш — попроще.

Разумеется, до революции не было такого понятия — коммуналка. Каждая семья занимала квартиру, большую или маленькую, целиком.

Дом стоял в самом истоке Крещатика, только немножко за углом, поэтому относился к другой улице. Перед Домом был разбит традиционный киевский сквер — в центре большая круглая клумба, вокруг — четыре многоугольных, с выемкой к центру, все дорожки — гравийные, бордюры из желтого кирпича.

С весны до глубокой осени — всевозможные цветы и царящие над ними каштаны. А в качестве отдельных солистов-гастролеров — японские вишни, неправдоподобно красиво цветущие в начале лета.

Что было с Домом в довоенные времена, я абсолютно не знаю. В подсознании у меня сложилось немислимое представление, что на это время Дом куда-то исчез. Например, уехал в эмиграцию в Тунис и вернулся в СССР только накануне войны.

В войну дом сильно пострадал. Немцы Киев практически не бомбили, собираясь сохранить его как будущую столицу восточных территорий. В сам город они вошли без боя, и это отдельная грустная история.

Но наши, отступая, сожгли и взорвали почти весь Крещатик и — зачем-то — уникальный Успенский собор в Лавре. (Многие годы я искренне верил, что это сделали фашисты, потому что так было написано в школьном учебнике истории, и только недавно узнал чистую правду.)

А в Дом бомба попала в 1943 году, когда наши брали Киев.

После войны пленные немцы долго восстанавливали город. Был построен новый Крещатик. Такой широкий, что даже та редкая птица, которая способна была долететь до середины Днепра, не могла проделать того же на главной улице Киева.

Дом тоже восстанавливали пленные немцы. На сохранившемся балконе пятого этажа (том самом, где я потом проводил не худшую часть своего детства) установили небольшой подъемный кран типа «Пионер». Все стройматериалы в Дом поднимали с этого балкона.

Поскольку его конструкция не была рассчитана на такие нагрузки, балкон стал инвалидом еще в процессе строительства. Его правый угол угрожающе обвис и дал трещины.

В течение всей моей жизни в Доме папа писал жалобы в разные инстанции с требованием отремонтировать балкон. Но все, чего ему удалось добиться — это предложение закрыть нам выход на аварийный балкон, заложив проем кирпичом.

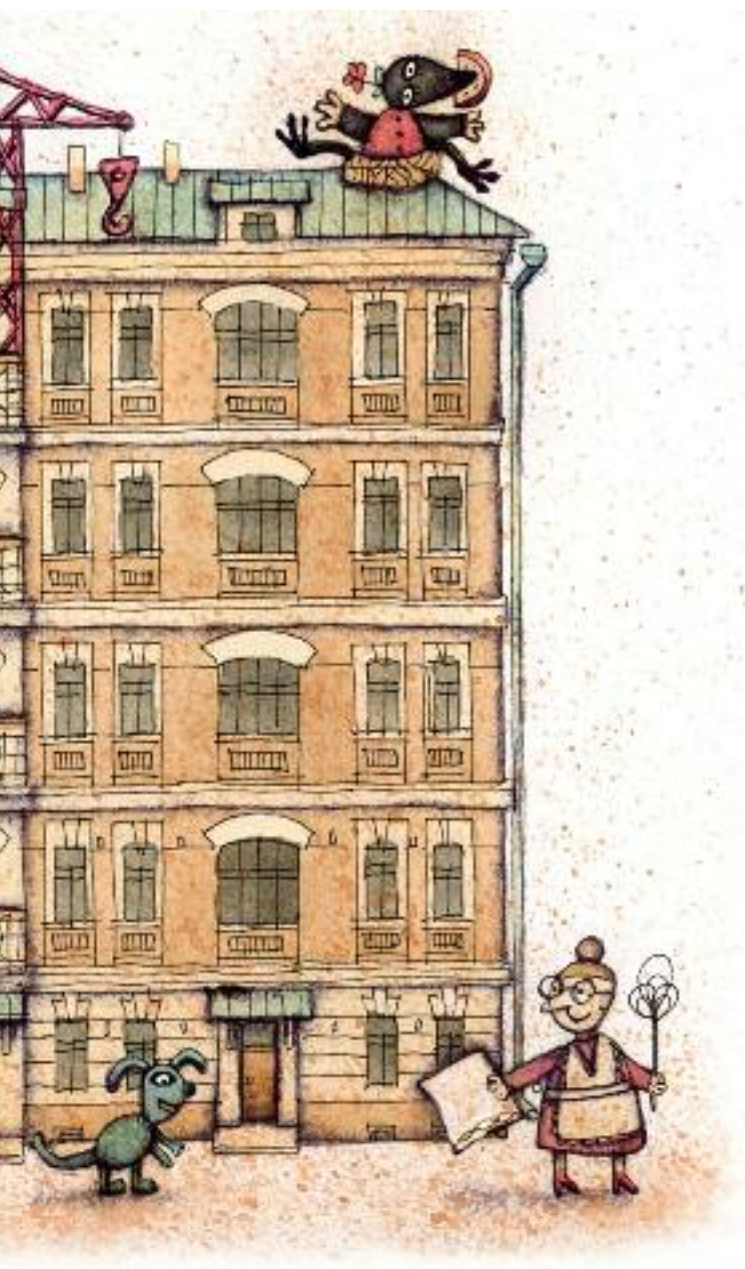
Такое ценное инженерное решение было особенно остроумным, если учесть, что в нашей комнате вообще не было окна и *единственным* источником света служила как раз балконная дверь.

Впоследствии папа нарисовал краской границу, где начиналась наиболее опасная часть балкона, и мы в запретную зону старались не заходить.

По этой же причине с балкона исчезли ящики с землей, в которых проживал дикий виноград — они имели немалый вес.

Тем не менее, балкон странным образом притягивал к себе — и не только нас. Однажды к папе пришла наша соседка и предложила разместить на балконе небольшую пасеку, несколько ульев. На разумный вопрос — а что делать с этим зимой? — она ответила, что ульи на зиму надо заворачивать в газеты и прятать в чулан. На второй вопрос — а как быть с пчелами? — соседка обиженно прошептала:

— Не валяйте дурака, все знают, что пчелы на зиму улетают в теплые края!

Архитектура Дома не совсем понятна. Он имеет в плане форму буквы Г — центральная часть и выступающее слева крыло. Причем, главенствует именно крыло, а не центр. Подъезд в крыле большой, с окнами, лестницы пошире, и, главное, есть лифт. А лестница в центральной части без лифта и выглядит как черный ход.

Справа к Дому почти примыкает неказистое четырехэтажное кирпичное здание, известное в моем детстве под необъяснимым названием «Сорок седьмой». Говорили: «живет в Сорок седьмом», «пошел в Сорок седьмой». Но как на четной стороне улицы может быть нечетный номер сорок семь, да еще вплотную к четному дому номер четыре? К Крещатику Сорок седьмой тоже не мог иметь отношение, так как это самое начало главной улицы с первыми номерами.

Я сказал, что Сорок седьмой не совсем примыкает к нашему дому. И действительно, между ними оставлен узкий проход-каньон, куда могла бы втиснуться (в одну сторону, разумеется) автомашина. Однажды под новый 1953 год (я расскажу об этом ниже) туда втиснулся «Москвич-401», но простоял он там только до Старого Нового года, то есть тринадцать несчастливых дней.

В этом каньоне я первый раз попробовал курить, но это тоже кончилось плохо.

Вход в каньон был практически всегда закрыт коваными узорчатыми воротами, такими ржавыми, что рассмотреть узор было невозможно. Несколько поколений пионеров сдавали эти ворота в металлолом, но они неизменно возвращались на место.

За домом был (и есть) задний дворик, чуть шире, чем каньон, ограниченный кирпичной подпорной стенкой. Стенка подпирала Горку.

Горка — это изумительное место, имеющее крутые заросшие склоны — эдакий дикий оазис в самом центре города (есть еще более интересное место — Холмы, об этом позже). На Горке я и всё младшее поколение нашего двора и следующих дворов, относящихся к Музейному переулку, проводили свое детство — играли, рыли пещеры, дрались и целовались. Сверху, на Горке, нависал над нашим домом огромный дворец — дореволюционный Институт благородных девиц. После войны до 1956 года это были заброшенные развалины, а потом всё восстановили, и это огромное здание стало Ок-

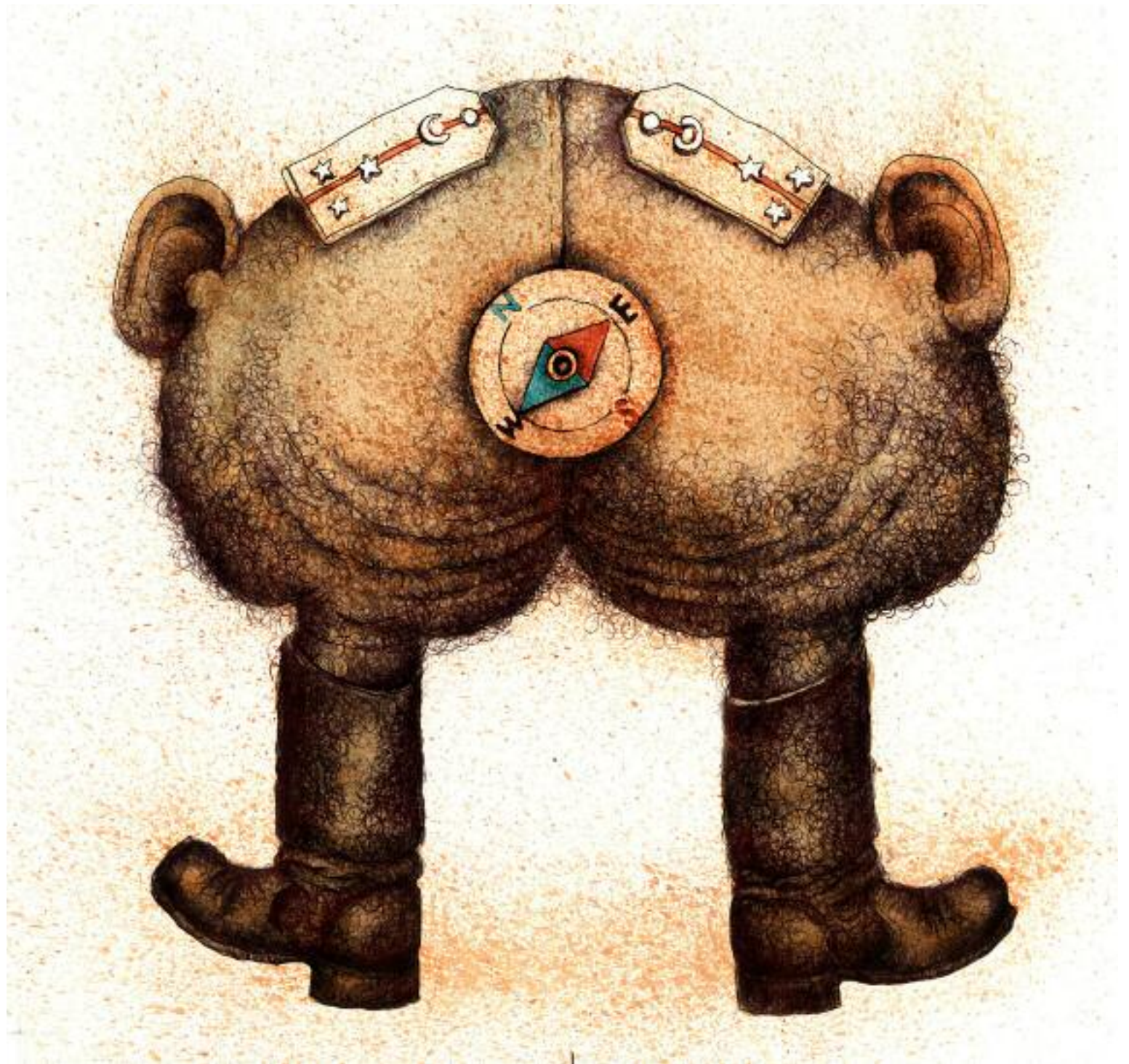
тябрьским дворцом культуры и одновременно Дворцом Съездов КПСС на Украине.

Именно в этом здании мы с моим самым близким другом Игорем Ковалевым впоследствии создали свою первую андеграундную мультстудию «Фокус».

...Я киевлянин, хотя из-за идиотизма киевских чиновников вынужден был уехать в Москву. Я был бы счастлив, если бы меня похоронили в Киеве, на Подоле, на заброшенном кладбище над Флоровским монастырем.

дан приказ ему на запад...

Сталин везде имел шпионов. Некоторые из них были очень удачливыми и добывали важнейшую информацию. Часто ценой своей жизни...

Но Иосиф Виссарионович — этот усатый вурдалак и сын лошади Пржевальского, далеко не всегда умел столь ценной информацией пользоваться. Он, по собственному выражению, «просрал» вторжение Гитлера, долго сомневался, нападут ли на востоке японцы? И держал там в полной боевой готовности огромные силы, такие необходимые на западных фронтах!

Но был человек, который все знал и понимал лучше Сталина, хотя и не вошел ни в какую историю, кроме моей...

Звали его Георгий Степанович Рыбашук. А как нашего соседа по коммуналке — дядя Жора.

В конце тридцатых годов Рыбашук имел еще звание старшего лейтенанта интендантской службы.

Поскольку вся вторая половина его жизни была в нашей коммуналке как на ладони, могу утверждать, что ничего лишнего Рыбашук на своих складах не украл и жил так же скромно, как и все мы.

Зато у него был совсем другой талант. Дядя Жора часто любил повторять: — Я жопой чую опасность.

Жопа у него и вправду была одаренной — она наделила хозяина подлинным даром предвидения!

В отличие от товарища Сталина, Рыбашук всё точно знал заранее — и то, что мы разобьем японцев во Внутренней Монголии, и что зимой 1939 года будет очень тяжело на финском направлении, и что Гитлер вероломно начнет войну, и что японцы не решатся сделать то же самое.

На основании этих полученных из жопы разведанных Рыбашук и построил свою служебную карьеру.

Интендант Рыбашук доставал для начальства дефицитные продукты и вещи. А взамен просил пустяк — перевести его по службе туда-то...

Это «туда-то» очень напоминало кончик синей стрелки условного компаса, если представить себе, что острие красной — это боевые действия.

Так, в 1938 году дядя Жора служил в южной Сибири, где наши войска стояли против захвативших Монголию японцев.

Долгое время там было тихо...

Однако когда, потеснив противника, Красная Армия хлынула к озеру Хасан, Рыбашука в той части света уже не наблюдалось!

Перед самым началом боевых действий он по велению души (и противоположной душе части тела) перевелся на кончик синей стрелки — в Карелию. От войны Рыбашук был теперь дальше всех, зато получил звание капитана!

А вскоре война пришла именно на границу с Финляндией — осенью того же года Красная Армия неуклюже попыталась за ступить за «линию Маннергейма»...

Но ни Рыбашуком, ни его надежным источником информации там уже и не пахло! Он перевелся на Дальний Восток, названный «дальним» потому, что ничего в нашей стране не было дальше от кровопролитного финского фронта!

Но кто-то же должен служить интендантом на Дальнем Востоке! Почему не Рыбашук? Тем более что в отличие от Сталина жопа Рыбашука чуяла всем своим «чуем»: войны здесь еще долго не будет!

Ее и не было целых четыре страшных года, которые дядя Жора — уже майор — спокойно и сыто пережил вдали от всех западных бомбежек, фронтов и прочих военных неудобств...

В сорок пятом, когда Берлин наконец капитулировал, мы почти сразу же напали на стоящие в Китае и Монголии японские армии.

Поднаторевшие в битвах с фашистами солдаты смело шли в атаку на японских самураев, а дядя Жора в это же время смело ехал на поезде в противоположное от фронта место — как раз в освобожденный Берлин! Там он стал уже подполковником.

После войны дядя Жора, чья грудь была осыпана боевыми орденами и медалями, был назначен начальником Киевского лагеря военнопленных, который разместили в исторической части города, в старинных Караваевских банях.

Пленные немцы показали себя отличными и дисциплинированными работниками — отстраивали заново весь центр Киева, который, вопреки рассказам из школьного учебника моего детства, взорвали вовсе не они, а наши диверсанты. Восстановили они и дом, где я потом родился, и школу, которую окончил, и мой любимый Крещатик, и многие другие места в Киеве и под ним.

Относились к немцам очень по-хозяйски, плотно кормили и даже взвешивали раз в неделю. Из-за потери пленными веса у Рыбашука могли быть неприятности, поэтому о немцах заботились.

Особенно повезло художникам и столярам — те не ходили разбирать завалы Крещатика, а делали офицерам мебель и писали маслом картины.

В общем, в Караваевских банях при дяде Жоре жили дружно. Настолько, что мой отец, назначенный в заместители Рыбашука, встретил там мою будущую маму — начальника отдела кадров, и они поженились.

Всем сотрудникам дали по комнате в доме, который немцы заканчивали восстанавливать, а Рыбашуку — даже две комнаты! Так мы стали соседями.

В лагере уже не нужно было спасаться от фронта, и всё предвидящая жопа Рыбашука понуро сидела теперь без работы...

Но у подполковника неожиданно открылся совсем другой талант, посредством которого он, возможно, и пытался отблагодарить свою жопу за долгую и верную службу!

Как и большинство тыловых офицеров, Рыбашук теперь почти каждый день пил, но, в отличие от многих, никогда не напивался, не валялся на земле и не орал бессмысленных песен. От хорошего портвейна дядя Жора, наоборот, становился веселым и жизнедеятельным!

Однако в день получки он теперь выкидывал фантастический фортель...

Тщательно пересчитав все деньги (зарплату, плюс доплату за воинское звание, плюс «наградные» — за ордена и медали), Рыбашук создавал в голове некую очень точную финансовую модель и раскладывал купюры на шесть неравных кучек.

На деньги из первой кучки он покупал билет на поезд в один конец. Это мог быть любой населенный пункт — от Нижнего Тагила до Вышнего Волочка!

Выбор города определялся лишь двумя соображениями:

Это должен быть каждый раз новый город.

Это должен быть достаточно большой город, имеющий большой вокзал и, как следствие, ресторан при этом вокзале.

Вторая кучка денег выделялась на сытую жизнь в вагоне-ресторане этого поезда и зависела напрямую от времени, проведенного в пути до пункта назначения.

Третья кучка денег — самая крошечная — откладывалась на телеграмму.

Прибыв, например, в Одессу, Рыбашук первым делом давал телеграмму своей жене — Валентине Трофимовне.

В телеграмме было всего три слова: «Я в Одессе» (или в любом другом городе).

Четвертая часть вычислялась особенно сложно: приехав в выбранный им город, Рыбашук занимал угловой столик в привокзальном ресторане и сидел там безвылазно, от суток до недели.

Он беспрерывно ел и пил, а денег должно было на все это хватить!

Тем временем Валентина Трофимовна, размахивая свежей телеграммой, мчалась в лагерь военнопленных, где ее уже с нетерпением ждали три заместителя Рыбашука. Узнав о местонахождении любимого начальника, два старших заместителя выписывали необходимые документы и отправляли в служебную командировку младшего по званию заместителя — то есть моего отца.

Отец (за казенный счет!) приезжал в Одессу (или любой другой город) и шел прямо в вокзальный ресторан, где без труда находил в углу весьма пьяного и очень сытого Рыбашука.

Потом покупал (за казенный же счет!) обратные билеты, привозил начальника в Киев и сдавал на руки Валентине Трофимовне Рыбашук.

Вот как раз на сидение в вагоне-ресторане во время обратного пути у Рыбашука и была отложена пятая кучка денег!

И наконец, по прибытии в Киев Рыбашук вручал жене последнюю, шестую часть — это были деньги, запланированные им для дома и семьи, которые Валентина Трофимовна называла нежно: «харчевые»...

То, что Рыбашук всегда менял направления своих вылазок, невозможно объяснить его туристической любознательностью — привокзальные рестораны он никогда не покидал и самих городов даже в лицо не видел! Возможно, его радовало разнообразие интерьеров или он сравнивал, где лучше готовят котлеты по-киевски?

Но двенадцать раз в году Рыбашук обязательно оказывался в какой-либо точке нашей необъятной родины!

Мой отец очень тяготился постоянным выколупыванием начальника из разных отдаленных мест и, в конце концов, добился

своей демобилизации. Теперь за Рыбашуком стали посылать второго зама, с большим числом звездочек на погонах...

А вскоре и самого Рыбашука — искателя приключений на свою жопу — отправили в отставку, и из подполковника он превратился просто в нашего соседа — дядю Жору.

Дядя Жора никогда больше не работал, жил на военную пенсию, но по выходным и праздникам гордо надевал пиджак со всеми своими наградами и прохаживался по центру города — дальше от дома он теперь никуда не отлучался!

Однако и традиция надевать пиджак с наградами оказалась недолговечной. Пришло время, и вышел указ, отменяющий все доплаты за ордена и медали.

Даже второй наш сосед — пьяница Сауляк — после этого указа свои «ордера и мандалы» всё равно сохранил.

А вот Рыбашук отдал все награды для игры и растерзания внуку Игорешке!

В течение нескольких дней мальчик гордо ходил, увешанный боевыми орденами, а потом, прямо на глазах у бабушки, разбил их молотком.

Утром, перед уходом в школу, я увидел в уборной осколки эмали от орденских звезд — весь мелкий мусор тетя Валя Рыбашук всегда высыпала в унитаз. На фаянсовом дне мерцали, покрытые тонким слоем мочи, маленькие алые кристаллы. Они напоминали крупички золота в ручье Клондайк или сокровища затонувшего пиратского корабля.

И я ушел, так и не спустив за собой воду...

берегись автомобиля

На втором этаже Дома, тоже, разумеется, в коммуналке, жили среди других семьи Савинова и Ковалья. Савинов работал на стройке крановщиком, а Коваль был каменотесом. Они вместе пили, часто дрались, одним словом — дружили.

На какое-то время крановщик бросил пить, сдал все бутылки и купил под новый, 1955 год, автомобиль — «Москвич-401» — точную копию довоенного «Опель-кадета».

Мы, дети сбежались посмотреть на чудо — это была первая машина, появившаяся в нашем Доме. «Москвич» вкусно пах солидолом, которым были густо смазаны все его хромированные детали, а в блестящих дверках цвета мышины возни отражалось неяркое январское солнце.

Савинов поставил «Москвич» в каньон — узкий проход между нашим и Сорок седьмым домами. «Москвич» втиснулся туда идеально — «Победа» бы уже не встала.

Савинов надеялся, что «Москвич» простоит там до весны — зимой на машинах почти не ездили. А пока он опять начал понемногу пить.

Каменотес Коваль пить и не бросал, но к концу новогодних праздников — где-то к тринадцатому января — на денек протрезвел и впервые заметил автомобиль.

— Чей? — коротко спросил Каменотес у нас, игравших во дворе детей.

— Савинова! — дружно ответили мы и продолжили лепить снежную бабу — в те годы в Киеве лежал настоящий глубокий снег (правда, только зимой).

Каменотес отправился к Крановщику и сказал веско:

— Ни у кого в доме машины нет. У меня нет. И у тебя не будет! Я — против! Не должно быть у советского человека машины.

— Но я же купил!

— Продавай, я против.

Сколько Савинов ни отстаивал законность и даже политическую безобидность своей покупки, Коваль стоял на своем — машину нужно немедленно продать!

Не послушался его Савинов. Тогда Коваль взял бутылку из-под «Советского шампанского» (шампанское в принципе не может быть «советским» — это игристое вино, произведенное из винограда, который растет исключительно во Франции и только в провинции Шампань).

И в эту пустую бутылку из-под неизвестно чего Коваль налил простую советскую водопроводную воду. И поставил он эту бутылку на несколько часов за окно. Вода замерзла, образовав с бутылкой единое целое. Понес Коваль ее вверх по лестнице и вылез он с бутылкой на самую крышу. Внизу, в каньоне, сиротливо белела припорошенная снегом крыша «Москвича», напоминающая в этом ракурсе спинку минтая.

Коваль тщательно прицелился, бросил вниз самодельную бомбу и попал. Набитая льдом бутылка прошла «Москвич» насквозь, как бронебойный снаряд.

На следующий же день Савинов привел покупателя и подбитую машину продал. Деньги он, конечно, пропил, но не все. Часть выручки потратил с толком — нанял на стройке крепких мужиков, они отметелили каменотеса, и тот две недели не ходил. А рожа у Ковалья распухла так, что не поместилась бы в каньоне между нашим и Сорок седьмым — там, где раньше стоял «Москвич».

Потом соседи, конечно, помирились, вместе пили, иногда дрались, в общем — жили дружно.

А вот машины в нашем доме так ни у кого и не появилось. Во всяком случае, до 1967 года все ходили пешком.

Воры-невидимки

Я с детства не люблю шепот.

Терпеть не могу, когда при мне шепчутся. Если рядом идет посторонний разговор, я могу вообще не слушать, а значит, и не слышать его. Но когда шепчутся, мой слух инстинктивно напрягается, и я начинаю вслушиваться помимо своей воли.

Наша соседка тетя Валя Рыбашук почти всегда говорила таинственным шепотом, поэтому я слышал и даже запомнил многое из ее секретных сообщений.

А все свои сообщения она начинала одинаковыми словами: «Миша, вы подумайте!», «Лида, вы подумайте!» или: «Саша, ты подумай!». И думать всегда находилось над чем...

Как-то она вошла без стука в наш «тамбур» и, всплеснув руками, прошептала маме:

— Лида, вы подумайте! К нам сегодня добирались воры!

— Когда? — забеспокоилась мама.

— Ночью!!! — зловеще выдохнула тетя Валя.

— Вы что, их видели? — испугалась мама

— Нет...

— А слышали?

— Нет...

— Замок оказался вскрытым?

— Нет-нет, замок цел! — нетерпеливо отмахнулась тетя

Валя.

— Почему же вы решили, что к нам «добирались»? — удивилась мама.

— Очень просто! — вдруг громко сказала тетя Валя и тут же опять перешла на таинственно-замогильный шепот.— Они украли мои босоножки!

— Какие? Новые — салатовые?

— А какие же еще?

Тут мама удивилась еще больше, посмотрела вниз и растерянно произнесла:

— Так вот же они, Валентина Трофимовна! У вас на ногах!
Тетя Валя тоже опустила глаза, для верности приподняла одну из своих ног, обутую в салатовую клеенчатую босоножку, пошевелила некоторыми торчащими из босоножки пальцами и изумилась еще больше мамы.

— Точно, салатовые босоножки... А что же они тогда украли?

Она растерянно ушла, а я спросил:

— Мама! А для чего человеку на ноге указательный палец?

Клятва гиппократа

У бабушки была родная сестра. Ее муж Наум — старый ювелир — когда-то был молодым ювелиром. До октябрьского переворота, который еще недавно было принято называть Великой Октябрьской Социалистической революцией, у Наума был свой магазин.

Такой небольшой ювелирный магазинчик с небольшими бриллиантами.

Все последующие годы советская власть вымогала, вытряхивала и высасывала из него эту прелесть. Но драгоценные камешки прятались, как тараканы, по щелям, и после каждой реквизиции все равно что-нибудь да оставалось.

Хотите, открою тайну, где многие послевоенные годы скрывались от советской власти милые бриллиантики?

Они прятались этажом ниже, у соседа Сени.

Сеня был очень похож на рано повзрослевшего Гурвибека.

Он отличался повышенным пучеглазием, голову обривал наголо и носил большие оттопыренные уши. Уши эти имели вид только что отрезанных ломтиков импортной ветчины и, как витраж в костеле, просвечивали нежнейшим розовым цветом!

Трудился Сеня слесарем в таксопарке. Он умел замечательно работать с металлом, очень этим гордился и обожал, когда его называли «доктором».

Водители разглядывали выточенную им детальку, вертели ее в руках, цокали языками и восхищались:

— Надо же, как в аптеке! Ну просто доктор!

Дядя Наум называл его «наш Гиппократ» и настолько доверял, что прятал свои камешки именно у Сени. И не просто прятал, а платил «Гиппократу» каждый месяц деньги, значительно превышающие зарплату слесаря в таксопарке.

Тандем ювелир-слесарь работал надежно, драгоценности были в полной сохранности, и так продолжалось много лет...

Но ничто не вечно под луной, кроме бриллиантов!

И дядю Наума постепенно доконал его маленький внук Шурик.

Шурик с родителями жил на самом верху улицы Прорезной, круто сбегающей к Крещатику и как бы прорезающей его поперек (отсюда и название!).

Именно тут, внизу, на перекрестке, небезызвестный Паниковский (предварительно заплатив рубль полицейскому Небабе!) артистично изображал слепого и шарил по карманам доверчивых киевлян.

Но Паниковский давно умер, Небаба, как известно, стал музыкальным критиком, и пришло время, когда это место облюбовал маленький Шурик.

Каждый день он по многу раз скатывался на своем трехколесном велосипеде вниз по Прорезной до самого Крещатика. Пожилой Наум, тяжело и с перерывами дыша, бежал следом за внуком.

Когда местность выравнивалась и велосипед, наконец, останавливался (а ленивый Шурик вообще никогда не крутил педали!), любящий дедушка брал упитанного внука на руки, подхватывал велосипед и, обливаясь потом, ковылял с этой непосильной и для здорового человека ношей вверх по Прорезной, до самого ее истока. Оттуда Шурик, растопырив ноги, опять скатывался вниз, а Наум, как Пятница за Робинзоном, бежал следом!

Этот кошмар продлился пару лет, после чего старый ювелир окончательно сдался и тихо умер во сне...

Плач. Похороны. Поминки. А после поминок дочь ювелира Инна подходит к «Гиппократу» — слесарю Сене — и просит его вернуть камешки, которые принадлежали ее покойному папе.

И тут Сеню бес попутал! Он придал своим выпученным глазам максимально удивленное выражение и начал клясться, что ни о каких камешках никогда не слышал, ничего подобного не видел и в руках не держал!

И до того этот ушастый «Гиппократ» вошел в образ, что поклялся в невинности жизнью своей единственной дочери Гали — симпатичной девчушки с неправдоподобно светлыми глазами — моей подружки по играм с самого младенчества!

Доказать непорядочность Сени было невозможно. В самом деле, не в милицию же идти: «Мы прятали от вас бриллианты, а Сеня их перепрятал и теперь не отдает! Накажите его, пожалуйста — оборвите ему уши!».

А наглый Сеня тут же с огромной доплатой выменял себе новую большую квартиру, купил дорогую румынскую мебель, «Волгу М-21» и...

И тут случилось страшное — у его восемнадцатилетней Гали вдруг обнаружился рак крови, и через несколько месяцев она умерла.

На всю жизнь понятие «клятва Гиппократа» приобрело для меня совершенно иной, очень грустный смысл.

площадь Сталина

Наш сосед, дядя Жора Рыбашук, очень любил спорить.

Он говорил моему отцу: «Миша, давай поспорим, что киевское „Динамо“ выиграет у московского „Торпедо“ 1:0».

Или мне: «Сашка, а давай поспорим, что после обеда пройдет сильный дождь!».

Но опыт показывал, что Рыбашук любой спор всегда выигрывал.

У него была потрясающая интуиция.

Сам дядя Жора говорил про себя, что все заранее «чует жопой».

И спорить с этой удивительной жопой не стоило...

Ну хорошо, про дождь он мог услышать по телевизору, который у него был, а у нас — нет. А про 1:0?

Я с самых малых лет был отчаянным болельщиком, ходил почти на все матчи даже дублирующего состава киевского «Динамо» и хорошо знал, что игра часто складывается неожиданным образом. Иногда счет можно было предсказать. Но дядя Жора делал это слишком часто...

Или откуда он мог заранее знать, что другой наш сосед принесет с охоты именно двух зайцев и шесть уток? А не трех и семь?

Но однажды подполковник Рыбашук (в то время — начальник киевского лагеря военнопленных) неудачно поспорил с одним пленным — австрийцем из Гарца.

Проиграл-то он этому пленному всего кружку пива. Но мог проиграть свою жизнь, да и не только свою. Рыбашука бы запросто расстреляли. А вместе с ним и всех его заместителей, включая моего отца.

Ведь еще жив был старый Сталин, и дело врачей только маячило впереди.

А тут — ужасное издевательство над самим Вождем! Точнее, над площадью его имени!

Наш дом выходил фасадом прямо на площадь Сталина, откуда берет свое начало Крещатик. Посреди площади пленные немцы накануне как раз закончили устанавливать огромный чугунный фонарь, напоминающий габаритами произведения Церетели. Он был весь в завитушках — типичный представитель сталинского ампира.

Вокруг фонаря разворачивались все троллейбусы, а еще в центре площади всегда прохаживался постовой милиционер в белой холщевой форме, регулировал движение полосатой палкой, громко свистел и не вымогал у водителей редких тогда автомобилей деньги — эта гаишная забава родилась много позже.

Так вот, пленный австриец поспорил с начальником лагеря, что лично надевает средь бела дня большую кучу дерьма — прямо в центре площади, рядом с милиционером!

Сам факт, что Рыбашук в этот момент общался на равных с содержащимся в лагере пленным, да еще и вступил с ним в глупый спор, означает, что подпол-

ковник, устроивший до этого очередной побег в дальний город, был еще сильно сыт и пьян.

Пьян настолько, что поспорил (первый расстрел), собственноручно привел пленного из лагеря к себе домой (второй расстрел) и дал ему свой выходной прорезиненный макинтош — такие плащи в войну англичане присылали по ленд-лизу. Итого — три расстрела сразу!

Щуплый австриец разделся снизу догола и облачился в огромный, до пят, плащ. В руки он взял плетеную корзинку, с которой тетя Валя обычно ходила на Бессарабский рынок, а в нее положил яблоки, что лежали горкой в шкафчике на балконе — холодильников еще ни у кого не было.

И с этой корзинкой австриец выперся прямо на середину площади к фонарю, который он только на днях сам же красил «шаровой» корабельной краской.

Был уже 1950 год, и пленный прилично говорил по-русски.

Постовой, увидев, что к нему через всю площадь топают солидный человек, судя по плащу, — управдом или иностранец, временно перестал свистеть и даже сделал несколько шагов навстречу.

— Я — член партийного комитета города Каунаса, — представился австриец, легко оправдывая этим свое иностранное произношение. — Хочу посетить киевский музей Ленина!

Серьезный прорезиненный плащ и мирные яблоки, а также благородное желание прибалтийского коммуниста приобщиться к памяти Вождя притупили милицейской бдительность.

Постовой стал, размахивая руками, объяснять гостю украинской столицы, как найти Прорезную улицу и подняться по ней на Владимирскую, к нарядному, украшенному вазами зданию (которое мой папа чудом не взорвал в 1941 году!). Здесь и разместился теперь музей Ленина со всеми дубликатами его чернильных приборов, шалашей, бревен от субботника, ручек от паровоза и прочей фигней!

«Каунасский коммунист» запоминал маршрут и кивал головой так усердно, что неловко наклонил корзинку с яблоками, и те запрыгали по гранитным булыжникам краснощежими мячиками.

Дядя Жора стоял в это время на нашем балконе, как полководец на холме, и обозревал диспозицию с высоты птичьего полета. Рядом стояла моя мама, которая и впустила к нам дядю Жору, — он сказал ей, что хочет посмотреть на Владимирскую горку (балконы Рыбашуков были с тыловой части дома и выходили на разрушенный Институт благородных девиц).

Мама не знала, что человек в плаще, который там, далеко внизу на площади, беседует с милиционером, имеет отношение к дяде Жоре.

Но Рыбашук это знал настолько хорошо, что, наконец, протрезвел и отчетливо понял — рас-стре-ля-ют!

Австриец тем временем присел, собирая яблоки, а милиционер, подав ему одно или два, вернулся к своим прямым обязанностям — махать палкой «Победам», «Эмкам» и троллейбусам.

А голый снизу пленный, скрытый до земли рыбашуковским макинтошем, нагло и обильно нагадил на площадь Сталина, встал и спокойно пошел на тротуар.

Когда постовой, сделав неспешный круг, обошел фонарь и тупо уставился на свежую кучу дерьма, пленный уже поднимался по лестнице к нам на пятый этаж.

От страха и осознания, что же произошло и чем это чревато, Рыбашук тоже чуть не обделался.

Стоило ли столько лет хитроумно избегать фронта, чтобы попасть в лапы НКВД в мирном 1950 году?!

Но, к счастью для дяди Жоры, милиционер не видел, как «варяжский гость» скрылся в нашем подъезде.

Постовой бросился к телефонной будке, и очень скоро приехало несколько машин в штатском.

Их пассажиры, растянувшись цепочками по обеим сторонам Крещатика, стоявшего еще в строительных лесах, шустро побежали в сторону музея Ленина и, может быть, даже там побывали.

Шалаш нашли, бревно нашли, макинтош с яблоками — нет.

Рыбашук трясся до самого вечера, а потом вызвал служебную машину и тайно вывез пленного обратно в лагерь — Караваевскую баню.

Эта история, слава богу, ничем плохим не кончилась. А когда пленных стали отпускать на родину, дядя Жора оформил выигравшего пари австрийца самым первым.

Я думаю, что тот до конца жизни рассказывал родственникам и знакомым, как нагадил на Площади Сталина.

Лично мне эти рассказы куда симпатичнее, чем рассказы про Ленина.

Кстати, дерьмо с площади увезли в черной «Эмке» в тот же вечер. Наверное, его отправили на анализ в Каунас, сличать с местными образцами.

Результаты экспертизы до сих пор не обнародованы...

Сикорский

Воскресенье — во всех отношениях было лучшим днем детства.

По субботам тогда еще работали, а я ходил в школу.

Только в воскресенье можно было не вставать в семь утра.

Я просыпался в четверть десятого от того, что папа включал радио — старый трофейный «Телефункен». В это время начиналась передача «С добрым утром!» — одно из немногих развлечений, которые существовали в те годы.

А потом папа брал ватный матрац и перебирался на балкон.

Там он от корки до корки читал две газеты — «Правду» и «Известия», стараясь найти в «Известиях» хоть какую-нибудь правду, а в «Правде» — хоть какие-то известия.

В это время по семейной традиции было положено папу не беспокоить.

Но в один летний воскресный день 1955 года, когда мне не исполнилось еще и пяти лет, я уселся рядом на беленький стульчик и стал калячить:

— Па-апа! Нарисуй что-нибудь, папа, ну нарисуй!

В общем, папино чтение было отравлено.

Отец взмолился:

— Ну дай мне хоть пять минут — я дочитаю!

— А про что ты читаешь?

— Про новый самолет. Называется — вертолет. Летает совсем по-другому...

— Как это — по-другому? Нарисуй, как. Ну пожалуйста, нарисуй мне вертолет!

Но папа не знал, как выглядит вертолет. До этого дня винтокрылая машина была от народа засекречена. И вот в правительстве решили, что можно сообщить народу о ней, и газета «Правда» написала о летательном аппарате, который может взлетать и садиться вертикально благодаря крутящемуся винту. Но фотографии вертолета в газете не было.

— Знаешь что, — сказал папа, — давай договоримся: ты десять минут тихо сидишь и ко мне не пристаешь. Смотришь на небо. Если будешь тихо сидеть, ты его увидишь. А я его потом тебе нарисую.

Я поверил. Папино слово — закон. Сел и, задрав голову, стал смотреть на ярко-голубое киевское небо.

Десять минут сидеть — это очень долго для ребенка, целая вечность. Если смотреть на что-то очень долго, по главному яблоку начинают бегать какие-то белые мухи. Я тогда это впервые обнаружил. Но подумал: может быть, это вертолет, который так высоко летит, что видна только белая точка?

А папа, довольный, что на десять минут избавился от моих приставаний, спокойно читал свою газету.

Прошло, может быть, восемь, может быть, девять или все десять минут.

Раздался страшный грохот.

И над нашим балконом — не в ста метрах справа, не в ста метрах слева, а прямо над моей головой — пролетело семь вертолетов. Настоящих, зеленых, с военными красными звездами.

Вертолеты один за другим с ревом прошли над нашим домом, над Крещати-ком и улетели в Дарницу, за Днепр.

Я от счастья онемел. Но чего у меня не было, так это удивления — мне же папа сказал, что через десять минут я увижу вертолет, — так и вышло. Я был в восторге.

А папа, как бы это сказать... обалдел! Он в этот день не ел, ходил чумной и всё спрашивал маму:

— Лида, как же это?

И всё не мог понять, как это он сказал — и вертолеты прилетели. Их ведь вообще еще никто не видел.

Может быть, они и над Москвой еще не летали!